

В

этом есть какая-то мистика, но сразу два человека, незнакомые между собой, не сговариваясь, в один день позвонили к нам в редакцию с одной и той же просьбой: «Восстановите справедливость! Сообщите людям, что автор песни «Бабье лето» — НАШ, воронежский поэт Станислав Чернышев!»

Позвонившие — люди уважаемые и авторитетные: поэт Михаил Каменецкий и бывший телевизионный режиссер Наталья Нетесова.

В 80-е годы прошлого века песню «Бабье лето» пел буквально весь Союз: во дворах, походах, на танцплощадках, в ресторанах. Она была невероятно популярной. Будучи школьницей, я сама переписывала эту песню в общую тетрадь-песенник, как и мои подружки-сверстницы.

Поют эту песню и сегодня. В интернете выложены тысячи вариантов в разделах «авторская песня», «дворовая», «хулиганская», «шансон», «антология шлягера».

Тексты отличаются. Где-то заменены слова, где-то предложения, где-то дописан новый куплет, а какой-то, наоборот, выброшен. Но везде сохранена ритмика, размер стиха и мелодия. Сохранность первоначальной мелодии могу засвидетельствовать, потому что сама пою эту песню больше 40 лет.

Также в интернете нет-нет да и развернется очередная дискуссия, посвященная поиску автора. Кто-то пишет «автор неизвестен», кто-то считает песню «народной». Приписывают песню Михаилу Звездинскому, Сергею Лиховенкову, Константину Беляеву... (список можно продолжать долго).

Но категоричнее всех звучит такое заявление: «Эту замечательную песню написал Павел Губарев. О нем и о создании этой песни, посвященной жене Вере, можно прочитать в рассказе Сергея Куликова “Памяти друга Павла Губарева”».

Там приводится авторский, «правильный» (по мнению блогера) текст этой песни. И ремарка: «В тексте Павла Губарева хорошо видна авторская индивидуальность, пропавшая затем в “народных” текстах».

Год написания указывается 1965-й.

Вот этот текст (пунктуация сохранена):

Отшумело, отгремело бабье лето,
Паутинкой разбросало листья где-то.
А сегодня журавлей взметнулась стая,
И кричат они надрывно, улетают.
Разгулялся над рекою вечер синий,
Сколько раз с тобой ругались без причины.
Убегал к другой девчонке то и дело,
И, тая в глазах слезинку, ты терпела.
А сегодня гонит ветер злые тучи,
Ты ушла теперь к другому — он ведь лучше.
Так зачем, его лаская у рябины,
Ты грустишь при виде стаи журавлиной.
Вера, знаю, что меня все так же любишь,
Хоть разочек и другого поцелуешь.
Ты придешь ко мне, и снова до рассвета,
Провожать с тобою будем бабье лето.

Справедливости ради замечу, что похожий (именно **похожий**, но не буквально) текст мы в детстве распевали и переписывали в девчачьи тетрадки.

В 2009 году Сергей Куликов, сотрудник института геофизических исследований Национального ядерного центра республики Казахстан, выложил в интернете такие воспоминания:

«Когда-то, еще в конце 60-х годов прошлого века, во время походов в горы, мы с удовольствием пели песни под гитару. То были песни Б. Окуджавы, Ю. Визбора, А. Городницкого, Ю. Кукина и многих других уже известных в то время поэтов-песенников. Но встречались такие песни, о которых мы ничего не знали. Однако пели мы их с таким же большим удовольствием, как и все другие. И вот в году 1966–67 появилась песня “Бабье лето”. Песня была душевная, но кто автор, мы так и не знали. Приписывали ее известным бардам, но в сборниках их песен эту песню мы не находили. Так и считались она — народной.

А потом, уже лет через 27 или 28, где-то в декабре 1993 года, по служебным делам пришлось побывать в поселке Маканчи, который находится в Казахстане, почти на границе с Китаем. Нам нужно было набрать служебный персонал для нового филиала нашего института из числа местных жителей. Посоветовали пригласить на должность руководителя этого филиала Губарева Павла Павловича, бывшего прапорщика Советской Армии...

Месяца через два я опять поехал в командировку в Маканчи... Остановились, естественно, у Губарева П.П., так как с гостиницей были проблемы. Вечером, после ужина, я увидел у Павла семиструнную гитару. Взял ее и, вспоминая молодость, начал петь старые туристские песни. Потом Павел взял гитару, и тут я понял, что мы родственные души. По очереди мы пели весь вечер и полночи.

После того как я спел песню “Баба лето”, Паша меня и спрашивает: “А почему ты ее поешь так? Ведь правильно песню петь надо вот так!” И исполняет песню. Я начинаю спорить с ним, а мне его жена Вера и говорит: “Эту песню он написал для меня еще в 1966 году, правда, некоторые слова заменили, в частности мое имя из песни убрали, а песня эта действительно Пашкина!”»

С момента опубликования этих воспоминаний песню «Баба лето» начинают объявлять как произведение Павла Губарева. Поисковик в интернете выдает именно эту информацию. Год написания, заметьте, указывается 1966–1967-й.

Собственно, поэтому в редакцию и позвонили М. Каменецкий и Н. Нетесова. Они песню «Баба лето» узнали раньше, в 64-м. Уже тогда знали автора. В их личных библиотеках когда-то была книжка воронежского поэта Станислава Чернышева, где было опубликовано стихотворение, ставшее песней. У обоих, к слову, книжки утеряны.

Эту фразу: «У меня когда-то была эта синенькая книжечка, но куда-то подевалась», — я услышу много раз. Воронежцы смутно вспоминают поэта Чернышева, помнят его песню, читали его книжку, но она потерялась, о судьбе поэта ничего не знают, но очень хотели бы знать...

Вот что вспоминает Михаил Каменецкий:

— В 60-е годы прошлого века мы, работники Воронежского механического завода, молодые инженеры и рабочие, на исходе каждой субботы (суббота тогда была рабочим днем) с рюкзаками, с гитарами, уходили подальше от Воронежа, на кордоны Веневитиново, Песочный, доходили до самой Рамони. Палатки были в рюкзаках, ставили палатки и всю ночь напролет пели песни. Очень знакомой нам всем была песня неизвестного нам автора. Звучала она так:

Отшумело, отгуляло баба лето,
Паутинки набросало в листья веток.
А сегодня журавлиной взвилось стайей.
И прощается печально, улета...

Настоящим автором этой песни является Станислав Чернышев! Когда я уже был женат, мне в руки попался сборничек этого поэта. Там было это стихотворение, я четко помню:

Паутинки пролетают надо мною.
Как года, бегут тропинки стороною.
Чьи в них тайны, чьи секреты? Кто их знает?
Бабае время, бабае лето улета...

— Станислав Чернышев был очень хорошим поэтом, только остался неизвестным, к сожалению, — сетует Каменецкий. — Мне обидно, что автором песни «Баба лето» многие считают другого человека. Это несправедливо. Нужно вернуть песне имя настоящего автора!

Каменецкому вторит ветеран Воронежского радио и телевидения, режиссер Наталья Нетесова, которая помнит поэта Чернышева с детства:

— Я Чернышева видела несколько раз. Первый раз, когда переходила во второй класс, в пионерском лагере. Это был июнь 1956 года. Была вожатая, которая представила Станислава Сергеевича как своего брата. Нас собрали в зале, и он со сцены читал стихи. Помню до сих пор: «Воронежские ночи все короче и короче...» Мы хлопали, радостно было от этой встречи. Он мне почему-то запомнился. Какая-то искра вошла в меня. А потом уже я услышала песню:

Отшумело, отзвенело баба лето,
В паутинках разбросало искры света.
А сегодня журавлиной взвилось стайей,
И прощается надрывно, улета...

Вьются рядом паутинки над землею.
За стога бегут тропинки стороною.
Чьи там тайны? Чьи секреты? Кто их знает?
Бабье лето, бабье время улетает.

Пели девчонки, которые были лет на 7–8 старше, это уже было самое начало 1960-х. Я услышала песню от них. Узнала имя автора. Мне сказали, что Чернышев живет недалеко от нас. Он был популярным, его печатали в газетах. То есть мы все пели эту песню и все знали, кто ее написал. Он жил где-то в районе Никитинской или Комиссаржевской, или Плехановской, где-то в центре. Девчонки его лично знали и восхищались им. Когда он шел по улице, шептались: «Смотрите, вот кто “Бабье лето” сочинил!»

А потом в 70-х годах я начала работать на радио, и он приходил в художественную редакцию на запись к редактору Геннадию Луткову.

Чернышев часто звучал в эфире. Его очень ценили как поэта. А потом случилось то, что случилось. На студии начали пропадать бобины с передачами. Я сама лично видела, как он под свитером выносил. Его поймали на вахте (нас ведь тогда обыскивали, поскольку студия во все времена считалась стратегическим объектом). Неудобно об этом говорить, но это факт: поэт крепко пил тогда, он крал пленки и пропивал. Пленки ведь были страшным дефицитом!

Был суд. На суд нас пригласили как свидетелей: Луткова, Виталия Иванова, меня. Запомнилось, что суд был накануне 100-летия Ленина, и Чернышев читал на суде свои стихи — о своей тяжелой и нелепой жизни и что он вынужден встречать столетие вождя на скамье подсудимых. Я рыдала, Лутков тоже плакал. Чернышеву дали срок. Позже я его встречала на улице: такой шустрый, маленький, он будто не жил, а метался. Мне кто-то сказал, что он работал дворником на стадионе, не знаю, правда это или нет.

По-моему, он разделил участь наших любимых поэтов, режиссеров, пацанов войны, подранков: Шпаликова, Рубцова, Серого...

У него был очень печальный вид. Я никогда его не видела веселым. Какая-то обреченность в лице... — с грустью вспоминает поэта Наталья Нетесова.

Когда началась война, Чернышев был ребенком: «Было мне семь с половиною лет в пору эвакуаций».

В предисловии к книге «Обретения» он вспоминает Чижовку, детские ощущения войны перемешаны в его памяти с весенним воронежским дождем и августовским звездопадом. Пикирующий фашистский самолет, опрокинутый грузовик, тошнотворный запах сожженного города и «бабья жалость ко мне, подранку» — не только в памяти, но и в творчестве.

«Оказывается, война способна не только убивать, но и роднить нас. Наперекор ужасу и смерти», — пишет поэт.

С 1946 по 1952 год Станислав Чернышев учился в Ленинградском суворовском, а затем в пограничном училище. До 1958 года находился в рядах Советской Армии. В 1959 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

А потом была жизнь. Запутанная, трагическая, наполненная встречами, событиями, обретениями и потерями разного рода. Единственная его биография, найденная на историко-краеведческом портале «Воронежский гид», содержит всего несколько строк между датой рождения и смерти: «Вел скитальческую, неустроенную жизнь. Публиковал произведения в журнале «Подъём», газетах «Коммуна», «Молодой коммунар», коллективных сборниках»⁶.

¹ <https://vrnguide.ru/bio-dic/ch/chernyshjov-stanislav-sergeevich.html>

Отмечу, что воспоминания о Станиславе Чернышеву многих, кто его знал, смутные и краткие.

По словам главного редактора журнала «Подъём» Ивана Щёлокова, «это какая-то иллюзия, что-то туманное»: «Станислав Чернышев часто приносил свои новые стихи в газету «Молодой коммунар». Мы их охотно печатали. Это была настоящая поэзия, удивительная, тончайшая по своему звучанию лирика. Но, к своему стыду, о самом авторе, его биографии, судьбе я тогда, будучи редактором «молодежки», мало что знал. Автор был немногословным человеком, скромно заходил в кабинет, оставлял подборку и практически сразу уходил... Однажды, а это было, кажется, в самом начале 90-х годов прошлого века, мы случайно встретились во дворе дома на улице Генерала Лизюкова. Я приглаждал за гуляющим с детишками сыном. И вдруг навстречу идет Чернышев, ветерок треплет его серебристую размашистую шевелюру. Остановился. Несколько минут побеседовали. Он достал из сумки тонюсенькую книжку и подарил мне, снабдив коротким автографом. Скорее всего, это и был сборник «Обретения», других книг на тот момент у него не издавалось. Помнится, я почти сразу весь сборник прочитал. Отдельные стихотворения были мне знакомы по публикациям в «Молодом коммунаре». Помню еще, много было стихов о войне. Пронзительных, надрывных... Куда потом девалась подаренная поэтом книга, не знаю. Она каким-то мистическим образом исчезла, как, пожалуй, и само имя автора из писательского круга. И это несправедливо! Без таких поэтов, как Станислав Чернышев, горизонт воронежской поэзии конца минувшего века усечен, сужен...

Одна только эта удивительная история с загадочной судьбой песни «Бабье лето» стоит того, чтобы восстановить память о поэте».

А вот что рассказывает шеф-редактор журнала «Подъём» Владимир Новохатский, в середине 1980-х годов работавший редактором газеты «Молодой коммунар»:

«Он появлялся в редакции «МК» как-то незаметно, словно утренний туман на тихой весенней улице, и исчезал так же неосяземо — вроде и не был. Иногда оставлял пару страничек, исписанных бегущим почерком, со стихами, которые пристраивались на газетных полосах под всевозможными рубриками — то «Из последней почты», то «Нам пишут», то «Лирическая волна», то «Стихи из конверта»... С поэтической подборкой в «Гренаду» — на популярную тематическую страницу молодых литераторов — ему было не пробиться по возрастному цензу, потому что юным стихоплетам да и большинству коммунаровцев он уже в отцы годился.

Нередко он заглядывал в машбюро, где многие годы заведовала Роза Лихачева. Там его угощали чаем, бывало, даже с бутербродом. Как я понял позже, в редакцию его прибывала не только поэтическая волна, но и элементарное чувство голода, которое вечно сопутствовало его неприкаянности. Лучшее всего в «Молодом коммунаре» ему жилось при тезке — ответсекретаре Станиславе Никулине, с которым он мог даже побеседовать. Они были почти ровесники, их поэтические чувства настаивались на ответственных 1960-х годах. Да и по лирическим темпераментам они были родственными душами. Никулин и рассказал мне в двух словах о Чернышеве: «Непростая сиротская судьба. Суворовец. В Литинституте учился. Талантище! Но...» — Он энергично резанул большим пальцем по горлу.

Действительно, Станислав Чернышев нигде не мог на длительный срок задержаться на работе: отовсюду его быстро выпроваживали то потихому, то со скандалом. Обком партии даже пытался пристроить талантливого парня в многоотражку, но бесполезно — говорят, пристрастие к спиртному выявля-

Станислав Чернышев

лось сразу. Однако ради справедливости скажу, что лично я, пожалуй, ни разу не видел Станислава пьяным. Слегка выпивши — бывало, но и только. В редакционных пирушках он не участвовал, наверное, в силу возраста. Никогда не смешивался с толпой графоманов, которые вечно толклись в редакции с портфелями своих чудовищных виршей и магарычей. Он вообще выделялся из всей массы посетителей какой-то стеснительностью и большим талантом.

Одна из наших редких встреч со Станиславом случилась как-то накануне Дня Победы. Я уже был редактором «МК», на работу по привычке приходил, когда в редакции еще никого не было. И вот на коммунаровском этаже в Доме печати на Лизюкова, 2 на встречу мне неожиданно шагнул Чернышев. Как всегда, предельно скромно одетый, с каким-то виноватым взглядом, протянул листок:

— Извините, у меня тут стихотворение к

празднику. Может, пригодится...

Я не успел даже слова сказать, а Стас Чернышев стремительно, чуть ли не убегая, удалялся по коридору, будто опасался, что я верну его стихи. Развернул листок. Это были ставшие потом известными (на мой взгляд, самые проникновенные по чувству нашей ответственной негаснущей памяти о войне) чернышевские строки:

Гуще — запах полыни и робко проклюнулась мята.
На Задонском шоссе даже травы цветут виновато...
...Там листва отзовется почти человеческой речью
В перекличке имен...

Это стихотворение мы опубликовали в праздничном «МК» на первой странице под поэтичным снимком Михаила Вязового вместо обычного плаката и барабанных призывов. Наши высокие начальники от этого «вольнодумства» поморщились. Коллеги из «Коммуны» позавидовали коммунаровской «свободе». Стас Чернышев при встрече растроганно, со слезами на глазах тряс руку: «Спасибо! Даже не ожидал... Спасибо...»

А я каждый раз, проезжая мимо памятника на Задонском шоссе, вспоминаю о чернышевских травах, что здесь «цветут виновато», о листве с «человеческой речью в перекличке имен...» — и чувствую, как во мне отзывается слово поэта. Не особо известного поэта, но это не мешает ему быть большим...

Что же касается песни «Баба лето», то у многих поколений она была своей, чуть дополняясь и видоизменяясь. Я помню, как звучала она в середине 1960-х у нас на сельской танцплощадке у Дома культуры. Привезли ее старшие ребята из Воронежа. Очень рад, что авторская слава находит своего героя — прекрасного воронежского поэта Станислава Чернышева...»

Интересными и ценными воспоминаниями о коллеге-поэте поделился старейший воронежский писатель, возглавлявший в свое время журнал «Подъём» и воронежскую организацию Союза писателей России, Евгений Григорьевич Новичихин:

«В Союз писателей России Станислав Чернышев вступил достаточно поздно, в предпенсионном возрасте. Несколько предыдущих попыток завершились неудачами: его кандидатуру “рубил” уже на первой инстанции — на писательских собраниях в Воронеже. Как ни странно, одной из причин этих неудач было то, что Станислав активно сотрудничал с областными газетами, в первую очередь, с “Коммуной”, публикуя на первых полосах стихи, посвященные различным праздничным датам. И хоть стихи эти были всегда добротными, маститые воронежские поэты того периода считали эту работу Чернышева “литературной поденщиной”, недостойной для человека высокого поэтического призвания. При этом то, что у Станислава была глубокая лирика, отходило как бы на второй план.

Невольным “сподвижником” недоброжелателей Чернышева стал и я сам. Дело в том, что как-то при встрече в редакции “Коммуны” Станислав, с которым мы были хорошо знакомы с начала 60-х годов, подарил мне свою первую книгу стихов “На дорогах России” (Воронеж, 1964) и попросил написать на нее рецензию для “Подъёма”. Я пообещал и свое обещание выполнил. Рецензия под заголовком “Искать себя!” была опубликована в первом номере журнала за 1965 год. В ней я обратил внимание не только на достоинства, но и на недостатки сборника, типичные, на мой взгляд, для первых книжек того времени: примелькавшиеся образы, легковесные, избитые темы.

Сам я в те годы был еще молод, членом СП не был и, естественно, участия в писательских собраниях по вопросу приема в Союз не принимал. Поэтому и не мог поймать на лукавстве одного такого маститого недоброжелателя, который, как мне рассказали, критикуя стихи Чернышева, изрек: вот, мол, и наш “Подъём” критически к ним настроен, и процитировал строки из моей рецензии. А о том, что от лучших стихов поэта, как отмечалось в рецензии, веет большой человеческой теплотой, критикан не сказал ни слова. Никто не напомнил ему и о том, что тот же “Подъём” систематически публиковал стихи Станислава.

Как бы то ни было, но справедливость, хоть и поздно, но восторжествовала. Чернышев же, став членом Союза, потерял к нему интерес. Ведь его неустроенная жизнь после получения писательского билета никак не поменялась. И не могла поменаться, потому что шли жестокие для русской литературы годы. За пять лет жизни, которые оставались у него в запасе, он появился в писательской организации, может, раза два, не больше.

Хорошо, что об этом замечательном поэте до сих пор напоминает его незабытая душевная песня...»

Нам эти рассказы очень важны. Из них более четко прорисовывается портрет незаслуженно забытого человека.

Книги Станислава Чернышева удалось найти в фондах областной универсальной научной библиотеки имени И.С. Никитина. Их у Чернышева было всего две. Обе изданы в Центрально-Черноземном книжном издательстве. Обе — 78 страниц. Первая — «На дорогах России» — вышла в 1964 году тиражом 3000 экземпляров. Вторая — «Обретения» — вышла в 1991 году тиражом 2000 экземпляров.

Между этими книжками почти 30 лет.

Вот как объясняет этот перерыв сам автор в предисловии ко второй книге:

«Обретения» — так назвал я эту книжку, втайне надеясь, что почти тридцатилетнее мое молчание не обернулось оскудением души, не сказалось ущербной немощью строки, а — приобретая, обрело! — обрело новые достоверность и доверительность, столь необходимые, читатель, для нашей сегодняшней встречи.

Первая (и единственная пока) книжка «На дорогах России» была выпущена Центрально-Черноземным книжным издательством в 1964 году. А потом...

Потом эти самые дороги надолго увели меня из отчих мест — пора становления была трудной и, надеюсь, необязательной для тебя, читатель. “Дороги, которые мы выбираем”, у каждого свои. Но обиженным или несчастным никогда себя не чувствовал. Поэтому совершенно искренне считаю и сейчас, что

И через тридцать лет, и через триста
привычек ей своих не занимать,
поэзия счастливых сторонится —
она привыкла раны врачевать».

Поэт рассказывает о некоторых перипетиях жизни, тесно связанных с историей страны. Например, о трудной судьбе стихотворения про нищих старух, собирающих милостыню по вагонам. Это пронзительное произведение, написанное в 1952 году, получило «официальную прописку» лишь в 90-е годы — несмотря на то, что поэт Владимир Гордейчев ранее несколько раз пытался его пристроить в какой-нибудь журнал для печати. Но стихотворение всякий раз заворачивали, ведь в стране победившего социализма по версии цензоров не могло быть просящих милостыню. А ведь эта случайная встреча обожгла поэта скорбью и стыдом за то, что бываем порой отгорожены от горестей и бед, зато одарила важнейшим обретением — совестливостью. И это чувство проходит через все творчество воронежского поэта.

Как хотелось бы мне сказать и Наталье Нетесовой, и Михаилу Каменецкому, что песня «Бабье лето» написана этим замечательным поэтом и только им!

Но я не могу этого сказать. Проанализировав десятки вариантов песни, я пришла к выводу, что изначально возникла песня **именно** на стихи нашего земляка. Возникла мелодия (она до сих пор неизменна). Но текст не только менялся, но и дописывался разными людьми. Песня трансформировалась. Философские раздумья постепенно уходили в плоскость бытовых отношений.

Какое-то время параллельно уживались несколько вариантов, но со временем остался один, и он — коллективный труд людей, которые меняли первоисточник, перелицовывали, перекраивали, приспособливали под себя, добавляя новые смыслы: измена, разлука.

Так песня превратилась в народную.

В рубрике «Давай с тобой поговорим» на ГТРК «Воронеж» мы предоставили воронежцам возможность услышать два варианта песни «Бабье лето». Первый (народный) — в исполнении драматического актера Сергея Степанченко (фрагмент передачи «В нашу гавань заходили корабли») — очень близок к тому, что был опубликован в первой книге С. Чернышева в 1964 году. Второй (на стихи, взятые из его второй книги) по нашей просьбе записал воронежский музыкант Николай Зелукин в студии воронежского звукорежиссера Виктора Мочалова. Из него пошли в народ всего несколько строчек.

А теперь читайте и сравнивайте.

Вариант 1.

Опубликован на стр. 55 в книге «На дорогах России» в 1964 году и является фрагментом большого стихотворения «Времена года»:

Отшумело, отгуляло
Бабье лето.
В паутинках набросало
Листья с веток.
А сегодня журавлиной
Взвилось стаей

И в безоблачности синей
Улетает.
Вьются следом паутинки
Над землю,
За стога бегут тропинки
Стороною.
Чьи там тайны? Чьи секреты? —
Бог их знает...
Вьется стая.
Бабье лето
Улетает.

Вариант 2.

Опубликован на стр. 53 в книге «Обретения» в 1991 году и является отдельным стихотворением без названия:

Отшумело, отгуляло бабье лето.
Холоднее в мире стало, меньше света.
Вот и птичьим посиделкам вышли сроки,
Дышит поле первым снегом у дороги.

Но еще летит журавлик в небе чистом,
Но светло еще от яблок и душисто.
И маячит паутинка, как антенна,
И протоптана тропинка к стогу сена.

Не иди туда, приятель, ради бога.
Не спугни кого некстати возле стога.
Чьи там тайны? Чьи секреты? Чья отрада?
Не ответит бабье лето. И не надо.

Как видим, в начале шестидесятых был написан первый вариант текста, но через 30 лет зрелый, опытный, сложившийся поэт редактирует старое стихотворение, меняет его, готова свою итоговую книжку. С литераторами такое часто случается. А может, не редактирует вовсе? Не меняет? Просто давнее, юношеское перерождается в нечто новое — как из наброска у художника получается картина?.. В любом случае, мы четко видим истоки песни, и это задокументировано.

Что касается творчества Павла Губарева, которому приписывают авторство «Бабьего лета», то я внимательно прочитала его стихи на одном из порталов в интернете.

На мой взгляд, это **самодеятельное** сочинительство. Доброе, домашнее, но называть его **поэзией** не берусь. Из уважения к автору, ныне уже покойному, приводить примеров не буду. При желании стихи можно найти в интернете. Но поверьте, здесь не нужен эксперт-лингвист, чтобы почувствовать разницу стилей, рифм, тем... Прочитав лишь одного из комментаторов, который, как и я, почитал стихи Губарева, сравнил тексты и тоже усомнился в авторстве: *«По стихам, приведенным ниже (внимательно вчитывался в них, наклоняясь к дисплею ближе), что-то не верится (“Бабье лето” же написано стихотворным умельцем), что “Бабье лето” — “дитя” Павла Губарева (просто высказываю сомнения в приличной форме, не в грубой)».*

В предисловии к книге «Обретения», на которое я сегодня ссылаюсь, Станислав Чернышев открывается как человек думающий, не шаблонный, благодар-

ный судьбе абсолютно за все. Не озлобленный, не упавший духом, напротив — верящий в человечность, любовь и немного романтик.

У поэта сложная, запутанная судьба.

Такой же путь и у песни «Бабье лето».

Она родилась в Воронеже, колесила по миру, ходила по рукам, частенько звучала в кабаках, на пьяных вечеринках, но не стала от этого хуже и не изнасилась.

Она по-прежнему, как в 70–80-е годы, желанна, любима — в теплой дружеской компании у туристического костра, в сельском клубе и армейской казарме, на молодежной тусовке и в кругу пенсионеров. Везде и всюду, в самой разной аудитории — от зеков до академиков.

Завидная, надо сказать, судьба!

Закончим этот материал размышлениями Станислава Чернышева о природе творчества. Они будто и про «Бабье лето»: «Внедуховное состояние не удерживается душой. Зато как цепко выскивает память человеческую доброту, улыбку, сочувствие! Так обретается родство. Так порыв души становится песней».

Рубрика, о которой идет речь в статье:

<https://vestivrn.ru/radio/2021/04/23/sudba-voronezhskogo-poeta-stanislava-chernyshyova-i-ego-izvestnoi-pesni-babe-leto/>

